

Следует отметить и некоторые более частные выводы. Так, если сравнить рассмотренные нами концепции Цицерона и Саллюстия, то бросается в глаза близость теоретических посылок обоих авторов. Во всяком случае, ни о каком антагонистическом противоположении этих двух концепций не может быть и речи, существуют лишь довольно несущественные расхождения.

Интересно и другое. Есть, на наш взгляд, все основания утверждать отсутствие принципиальных различий или противоречий между исторической концепцией Цицерона — Саллюстия, с одной стороны, и общими тенденциями более ранней римской историографии, с другой. Почти все отмеченные нами теоретические положения как Цицерона, так и Саллюстия о значении истории или о задачах и обязанностях историка выдвигались уже анналистами.

И, наконец, перечисленные выше особенности и характерные черты римской историографии позволяют, как нам кажется, прийти к определенному выводу относительно ее необычайной «цельности», скорее даже, ограниченности и консервативности. Это становится особенно наглядным, если иметь в виду использование римскими историками определенных и уже «устоявшихся» приемов, принципов и тенденций «исторического описания». Кстати сказать, перспективный взгляд на дальнейшее развитие историографии в Риме — что, конечно, далеко выходит за пределы нашей темы — может лишь подтвердить все изложенное выше на целом ряде новых и достаточно убедительных примеров. Говоря иными словами, мы склонны утверждать, что некая сумма принципов и теоретических «установок» римских историков остается стабильной (и даже почти неизменной) вплоть до последних лет существования древнеримской историографии.

С. Л. Утченко

SOME TENDENCIES IN THE DEVELOPMENT OF ROMAN HISTORICAL WRITING (THIRD TO FIRST CENTURES B. C.)

by S. L. Utchenko

The development of Roman historiography is usually studied in close connection with Hellenistic historiography. This approach to the subject is perfectly sound and logical, but it has the unavoidable effect of obscuring those qualities which are typical of and peculiar to the Roman historians (quite apart from their individual characteristics) and which reveal the fundamental difference between them and the Hellenistic historians. Much less justified, in the author's view, is the characterisation of Roman historiography of the second half of the first century B. C. as «mature», in contrast to the earlier writings of the Roman annalists: in the first place, the concept «annalistic» does not cover the whole of early Roman historical writing, and, second, it is extremely difficult to discover any basic qualitative difference between this early historical writing and the «mature» sort.

The general principles and orientation of Roman historical writing were shaped at a certain time by the place assigned to history in the Roman scheme of values: historical or philosophical studies were regarded as merely feeble substitutes for active political life. The annalists and the later historians always wrote with a clearly defined end in view — the good of the *res publica*. Historians were interested only in the history of the Roman state, for them the only subject of historical evolution was the Roman people. As for the attitude of the historian to his material, the Roman historian, while paying due respect to *exornatio rerum*, always spoke out in favour of a truthful and impartial elucidation of events.

A comparison of the views of Cicero and Sallust on history and the task of the historian reveals on the one hand a close resemblance between the initial theoretical premises of these two authors and, on the other, the absence of any fundamental difference between their conception of history and the general tendencies of the earlier Roman historical writing. All of this taken together justifies the assertion that a certain quantum of principles and theoretical «points of reference» remains stable (one might almost say fixed) throughout the whole further existence of Roman historiography.

«ПОНТИЙСКИЙ ЛИМЕС»

Как известно, под лимесом подразумевается организация обороны римских имперских границ, включавшая в себя сторожевую службу специальных воинских подразделений, а также строительство различных фортификационных сооружений и коммуникаций (т. е. дорог). Организация этой обороны не получила одинакового развития на всех границах Империи, в связи с чем (а возможно, и в связи с неизученностью всех участков этой границы) понятие «лимеса» не распространяется полностью на всю границу. Так, в частности, в обзоре римского лимеса у Паули-Виссова термин «лимес» конкретно не применен в отношении восточной границы Империи, в которую здесь включен и интересующий нас район дислокации восточнопричерноморских римских гарнизонов. Тем не менее названные гарнизоны со своими крепостями в указанном обзоре фигурируют, и это говорит о том, что в какой-то степени понятие «лимеса» на них распространялось¹. В настоящей статье указанный район назван лимесом условно, в связи с тем, что рассматриваемые гарнизоны и крепости, как мы увидим, имели много общего с гарнизнами и крепостями обычных лимесов. Однако линия дислокации рассматриваемых гарнизонов имела и свои особенности, которые позволяют выделить ее из всей «Восточной границы» и назвать «Понтийской» в соответствии с ее местонахождением. Таким образом, даже условное понятие «Понтийского лимеса» представляется нам весьма удобным для обозначения специфики и круга рассматриваемых в статье вопросов, а также для определения самого подхода к этим вопросам.

Пребывание римских гарнизонов в Восточном Причерноморье и строительство ими здесь своих крепостей специально никогда не рассматривались, в связи с чем имеющиеся по этому поводу высказывания носят случайный или противоречащий друг другу у одного и того же исследователя характер. Высказывалось мнение об основании римской крепости в Апсаре еще при Помпее², а в Себастополе — уже при Августе³. М. И. Ростовцев же в одном случае считал, присоединяясь к мнению Ф. Кюмона, что римские гарнизоны появились в этом районе при Нероне, а в другом случае — при Траяне⁴. Высказывая первое мнение, М. И. Ростовцев учитывал отсутствие при Нероне значительных воинских контингентов римлян в Каппадокии, ставшей к этому времени ближайшей римской провинцией для Восточного Причерноморья, и поэтому выделял указанные гарнизоны из состава далеких Мезийских легионов и Равеннской эскадры⁵. Однако о размещении римских гарнизонов в Колхиде при Нероне никаких данных все еще нет, и силы римлян в Причерноморье и Приазовье ограничивались в это время, судя по Флавию Иосифу (Bell. Jud. II, 16), 3 тысячами гоплитов и 40 военными кораблями, в то время как только одна восточнопричерноморская римская крепость в Апсаре требовала, как мы увидим, гарнизон из 1000—2500 солдат.

Перечисленные Флавием Иосифом, по сути дела очень незначительные, силы римлян разумеется, не могли быть распылены — они должны были быть сконцентрированы в нескольких наиболее важных пунктах Причерноморья, и ближайшим таким пунктом для Колхиды был, по-видимому, только Трапезунд. Тацит (Hist. III, 47) упоминает о местопребывании здесь «праздных и своевольных» солдат бывшего Понтийского царства.

Об отсутствии в Восточном Причерноморье постоянных римских гарнизонов, а следовательно, и выстроенных ими крепостей до 69 г. н. э. говорит в какой-то степени и тот факт, что здесь, а именно в устье реки Хоба, разбитый наголову римлянами Аникет

¹ Fabricius, Limes, RE, 25 Halbbd., стб. 652.

² Ф. И. Успенский, Старинная крепость в устье Чороха, «Известия Академии наук», VI серия, 1917, № 2, стр. 166.

³ Л. А. Ельницкий, Северопричерноморские заметки, ВДИ, 1950, № 1, стр. 191, прим. 2.

⁴ М. И. Ростовцев, Новые латинские надписи с юга России, ИАК, 33, 1909, стр. 12, прим. 1.

⁵ Там же, стр. 9 сл.; М. И. Ростовцев, Римские гарнизоны на Таврическом полуострове, ЖМНП, 1900, № 3, стр. 142 сл.

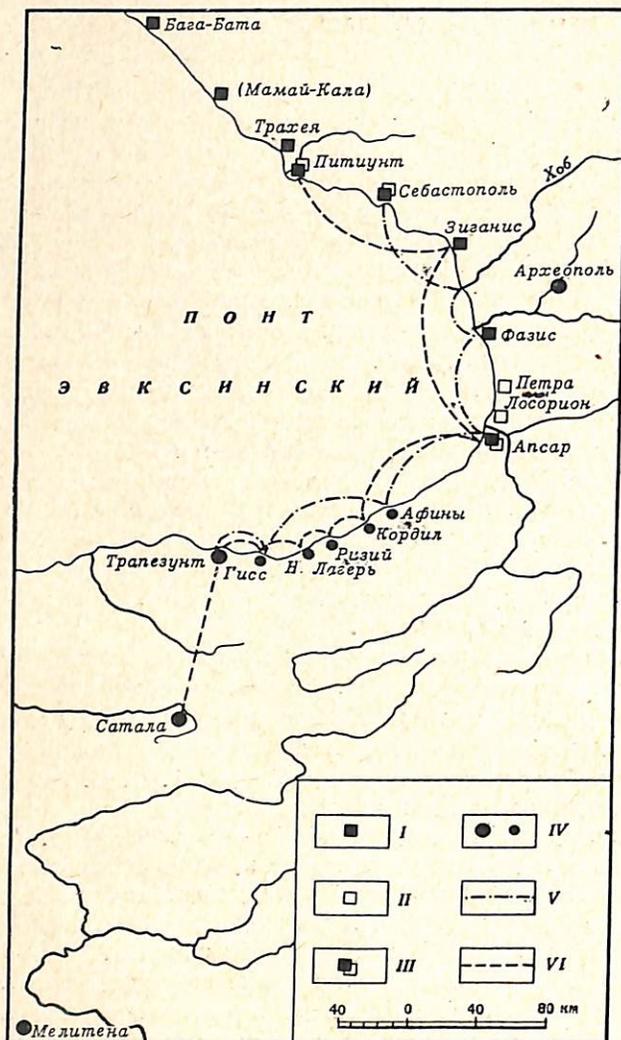

Рис. 1. Римские кастеллы в Восточном Причерноморье: I — римские кастеллы; II — ранневизантийские укрепления; III — римско-византийские кастеллы; IV — города и прочие пункты; V — маршрут корабля Арриана; VI — маршрут корабля, описанный в «Мученичестве Орентия»

посещение в 134 г. Аррианом, который был легатом названной провинции. Эта инспекция Арриана, несомненно, была одной из акций предпринятой Адрианом ревизии всей пограничной оборонительной системы Римской империи ⁷.

Самой южной римской крепостью в Восточном Причерноморье (см. рис. 1) на территории СССР был Апсар, локализуемый в с. Гонию Батумского р-на ⁸. Впервые Апсар вместе с Севастополем упоминается, как говорилось, Плинием в качестве кастеллов —

считал возможным искать защиты (Tac., Hist. III, 48), которую вряд ли могла бы оказать ему страна с расквартированными в ней римскими гарнизонами.

При Веспасиане, по-видимому, в 70—72 гг., провинция Каппадокия, в состав которой вошел в 63 г. н. э. Полемоновский Понт, стала постоянным местопребыванием двух римских легионов, значительно увеличивших число римских войск в этом районе. Один легион — XII Fulminata — был размещен в Мелитене; второй, по-видимому, — XVI Flavia — в Сатале, где со времен Адриана стоял уже легион XV Apollinaris ⁶. Именно резкое увеличение количества постоянных римских войск в Каппадокии и дало возможность римлянам начать размещение своих гарнизонов в Восточном Причерноморье, так что упоминание первых выстроенных в Апсаре и Севастополе римских крепостей в «Естественной истории» Плиния (VI, 12, 14) является довольно-таки «свежей информацией» о времени появления здесь первых двух постоянных римских гарнизонов. Таким образом, возникновение «Понтийского лимеса» является органической частью военного преобразования Каппадокии, осуществленного Веспасианом. Соответственно этому восточнопричерноморские гарнизоны римлян и подчинялись в I—III вв. каппадокийскому командованию, о чем свидетельствует в первую очередь инспекционное их

⁶ О. В. Кудрявцев, Провинция Каппадокия в системе римской восточной политики, ВДИ, 1955, № 2, стр. 70.

⁷ Т. Момзен, История Рима, V, М., 1949, стр. 140, прим. 2.

⁸ Впервые Апсар, а также рассматриваемые ниже Фазис и Питуиунт были локализованы Ф. Дюбуа де Монпере (см. F. Dubois de Montpreux, Voyage au Caucase, Atlas au 1^e serie, P., 1843, табл. XIII; Voyage autour du Caucase, III, P., 1839, стр. 67 сл.; I, стр. 221 сл.).

именно так назывались рядовые римские пограничные крепости, входящие в систему лимесов⁹. Арриан (Peripl. 7) упоминает в Апсаре гарнизон из пяти *στέραι*, что составляло 1000—2500 солдат. Апсар упоминается также в известной надписи из Нолы (Италия), в которой говорится о некоем Марсии Плеторнии Целере — начальнике отрядов, стоявших в Апсаре, — *praeposit(o) numerorum dependentium in Ponto Absaro* (CIL, X, 1, 1202). Упомянутые в надписи *numeri* являлись подразделениями римских вспомогательных войск, из которых и состояли, как правило, в I—III вв. гарнизоны пограничных кастеллов¹⁰.

Высказывалось мнение, что эти *numeri* соответствуют тем *στέραι*, которые упоминаются Аррианом¹¹. Однако *στέραι* и *numeri* не являются, как известно, одним и тем же понятием, и скорее всего в надписи из Нолы речь идет об отрядах, являвшихся предшественниками арриановских *στέραι*.

Апсар вместе с Себастополем фигурирует в виде схематических изображений крепостей на *Tabula Peutingeriana*, в то время как здесь отсутствуют изображения более крупных, чем Себастополь, крепостей в Фазисе и Питиунте¹². Возможно, что для отображения Восточного Причерноморья на этой карте были использованы источники того времени, когда не было еще римских крепостей в Фазисе и Питиунте.

Интересно также упоминание Апсара вместе с рассматриваемыми ниже Зиганисом и Питиунтом в «Мученичестве Орентия», где перечисляются стоянки римского корабля, отвозившего в самом начале IV в. христиан в ссылку — из Трапезунда в Абхазию¹³. И, наконец, Апсар упоминается Прокопием (Bell. Goth. VIII, 2), Агафием (Hist. III, 14) и источником VII в. — «Пасхальной хроникой», в которой Апсар определен как *καρπερβολή*¹⁴, т. е. лагерь.

Апсарский кастелл является одним из редчайших неразрушенных памятников римской крепостной архитектуры (см. рис. 2, 3)¹⁵. Он имеет в плане прямоугольную форму, характерную для подавляющего большинства римских пограничных крепостей¹⁶. Размеры кастелла 194 × 245 м, т. е. 4,7 га. В «Понтийском лимесе» это самый большой кастелл, в котором уже, судя по Арриану, должен был стоять и самый большой гарнизон. Важное значение этого кастелла определялось тем, что по сравнению со всеми другими рассматриваемыми ниже крепостями он ближе всех был расположен к непосредственным границам Римской империи и контролировал узел дорог с наибольшим числом ответвлений.

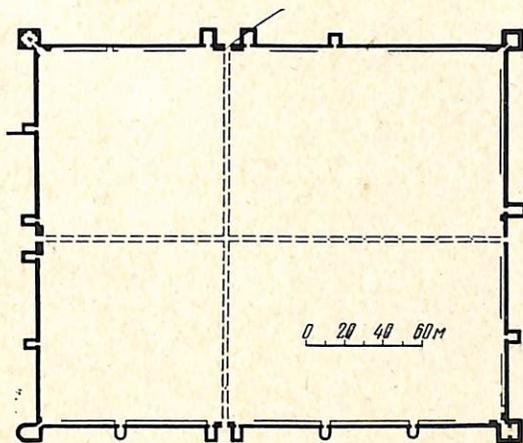

Рис. 2. План кастелла в Апсаре

⁹ Fabricius, ук. соч., стб. 577 сл.
¹⁰ В. И. Холмогоров, Полевая армия (comitatenses) Римской империи в IV в. н. э. «Уч. зап. ЛГУ, серия ист. наук», 12, 1941, стр. 92; Г. Дельбрюк, История военного искусства, III, М., 1937, стр. 139.

¹¹ Л. А. Ельницкий. Из исторической географии древней Колхиды, ВДИ, 1938, № 2, стр. 311.

¹² K. Millel, *Itineraria Romana*, Stuttg., 1916, стр. 636.

¹³ *Acta Sanctorum*, IV, Antverpiae, MDCCVII, стр. 809 сл.

¹⁴ С. Г. Каучишвили, Сведения византийских писателей о Грузии, IV, 1, Тбилиси, 1941 (на груз. яз. с параллельным греческим текстом), стр. 10.

¹⁵ В. А. Лекинадзе, Материалы по истории и архитектуре Апсарской крепости, «Византийский временник», XX, 1961, стр. 225 сл.

¹⁶ См., например, Ed. A n t h e s, *Spätromische Kastelle und feste Städte im Rhein- und Donaugebiet*, «Bericht der römisch-germ. Kommission», X, Frankf. a. Main, 1918, рис. 1, 3, 5, 10, 12, 13, 20, 21, 24, 25; D. M e r e d i t h, *The Roman Remains in the Eastern Desert of Egypt*, «Journ. of Egypt. Arch.», 38, 1952, рис. 2.

Рис. 3. Апсар. Одна из угловых башен кастелла

Описываемый кастелл заплыл землей всего на 1—2 м, снабжен он был 18 башнями (из них четыре угловые) и четырьмя воротами, способ расположения которых [характерен только для крупных римских крепостей. Ворота эти, расположенные друг против друга в каждой стороне кастелла, намечали здесь две взаимно пересекающиеся главные улицы — *via principalis* и *via praetoria*. Возле ворот были устроены в специальных утолщениях лестницы, по которым изнутри укрепления поднимались на стены. Фронт Апсарского кастелла, определяемый на основании расположения улиц и большого количества башен на узкой стороне, был обращен (как и у всех, по-видимому, крепостей «Понтийского лимеса») к морю. Указанная ориентировка рассматриваемых крепостей говорит явно об их военно-морском характере.

В ограде и в башнях описываемого кастелла намечаются три основных строительных слоя (не считая ремонтов), из которых первый слой, определивший размеры и характер памятника, несомненно, римский. Первый и второй строительные слои выполнены одной и той же кладкой, представляющей собой две конструктивные облицовки из крупных, прекрасно отесанных блоков, между которыми находилась забутовка на извести. Квадры второго слоя, однако, вторичного использования. Толщина остатков ограды (II строительный слой) имеют толщину лишь в 1,60 м. «Утоньшение» ограды произошло только изнутри, так что снаружи кастелла трудно отличить первый слой от второго. При восстановлении сильно изменился характер входов в башни. Если первоначально входы состояли из двух частей — из широкой и высокой дверной ниши и из самого входа¹⁷, то после восстановления эти входы состоят только из дверного проема. Остатки же дверных ниш хорошо видны только у трех угловых башен (см. рис. 4). Таким образом, в первоначальном виде кастелл был явно более монументальным и более сложным сооружением, чем в восстановленном, и поэтому относился, по-видимому, к

¹⁷ Аналогичное устройство входов в башни известно как в римском, так и ранне-византийском строительстве; см., например, R. E. В r i n n o w, A. v. D o m a s z e w s k i, *Die Provincia Arabia*, I. Strassburg, 1904, табл. XXII, рис. 499, 509; St. G s e l l, *Les monuments antiques de l'Algerie*, II, P., 1901, рис. 162.

лучшим временам Римской империи. Для более же точной датировки первого строительного слоя кастелла следует, по-видимому, учесть, что размеры его явно соответствуют упомянутому в нем Аррианом гарнизону из пяти $\sigma\tau\epsilon\iota\tau\alpha\iota$. Первоначальный, прослеживаемый сегодня слой памятника мы теперь датируем приблизительно концом I — первой половиной III в. Второй же слой — концом III — IV в. Ниже мы укажем причины разрушения первоначального кастелла, а также обстоятельства, которые, возможно, уточнят датировку его восстановления.

В 65 км к северу от Апсара на берегу моря находилась следующая римская крепость — Фазис, локализуемая возле гор. Потн. Об остатках этой крепости мы можем судить пока только по ее схематическому плану, выполненному Ф. Дюбуа де Монпере, который видел ее уже совершенно залившей землей¹⁸. Крепость эта (см. рис. 5) также была прямоугольной.

Крепость в Фазисе подробно описана Аррианом (Peripl. 10—12), и описание это очень важно для истории всех рассматриваемых здесь крепостей. Из него явствует, что Арриан помнил еще существование в Фазисе римского укрепления с «земляными стенами и деревянными башнями». В этом укреплении нужно видеть, несомненно, одну из трех временных и первоначальных крепостей, которые сооружались и функционировали обычно на границах Римской империи до постройки здесь долговременных укреплений с каменными стенами¹⁹. Подобные временные укрепления сооружались, по-видимому, первоначально и в других оккупированных римлянами пунктах Восточного Причерноморья. В частности, земляными укреплениями могли быть еще упомянутые Плинием кастеллы Апсара и Себастополя. Судя по Арриану, в Фазисе стоял гарнизон из 400 солдат, которые должны были составить одну алу или когорту. Именно такие гарнизоны являлись обычными для рядовых римских пограничных кастеллов²⁰, именуемых в специальной литературе когортовыми.

По словам Арриана, крепость в Фазисе должна была защищать «плавающих здесь» и «представлять безопасное убежище судам». И, наконец, самое главное, Арриан сообщает нам о поселении в Фазисе, которое, несомненно, возникло возле уже основанной римской крепости, о чем говорят следующие обстоятельства: а) основной категорией жителей этого поселения, судя по Арриану, были «отставные военные», т. е. отслужившие солдаты здешнего гарнизона; б) обороняющий это поселение ров был сооружен лишь Аррианом, что может говорить о начальных стадиях развития этого поселения. Оба отмеченные обстоятельства, несомненно, позволяют дать точное социально-историческое определение поселению в Фазисе — это канаба, т. е. один из тех поса-

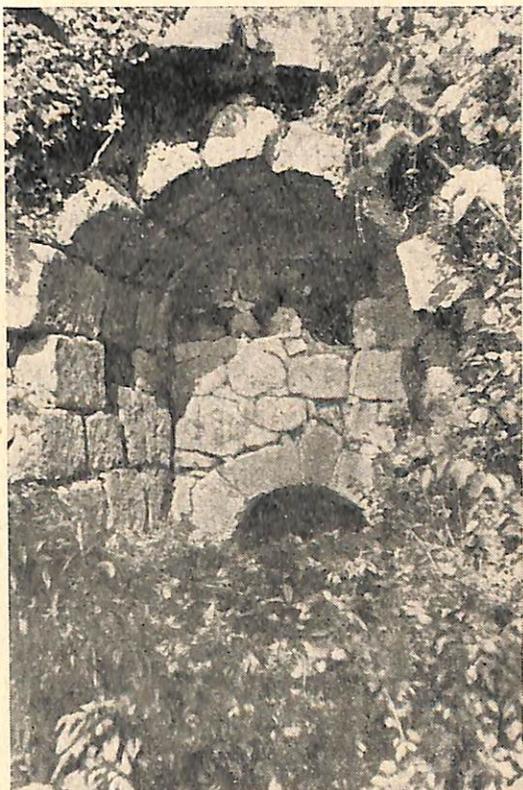

Рис. 4. Апсар. Вход в одну из угловых башен кастелла

¹⁸ Dubois de Montpéroux, Voyage... Atlas au 1er serie, табл. XVIII.

¹⁹ Дельбрюк, ук. соч., стр. 137.

²⁰ Там же, стр. 127.

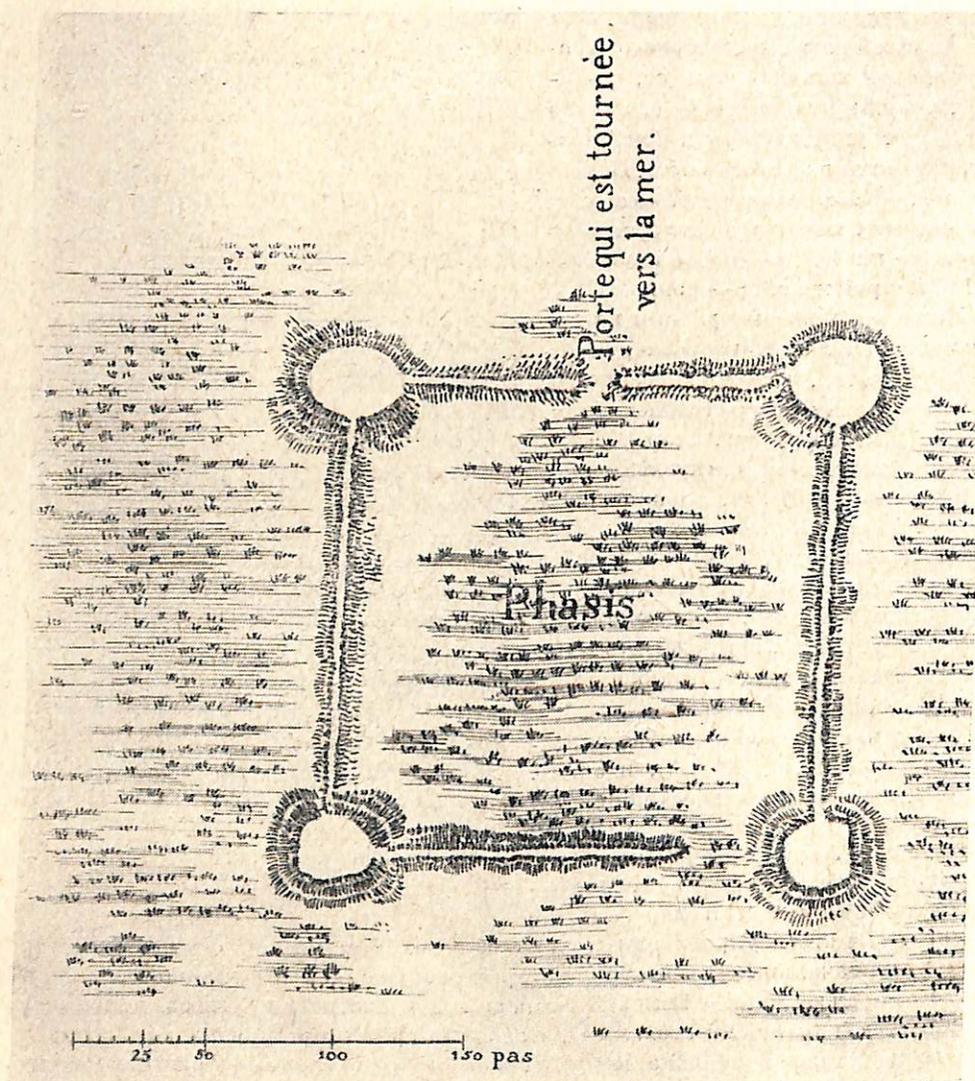

Рис. 5. План кастелла в Фазисе по Ф. Дюбуа де Монпере

дов, которые возникали обычно возле многих римских пограничных крепостей на всех границах Римской империи²¹.

В описании Фазиса Аррианом мы имеем, кроме того, хоть и очень скудные, но единственные письменные данные о взаимоотношениях местных восточнопричерноморских племен с римлянами в захваченных здесь последними пунктах: с одной стороны, в Фазисе «никто из варваров не мог даже приблизиться к крепости, не говоря уже о невозможности угрожать осадой находящемуся в ней гарнизону», однако, с другой стороны, в канабе Фазиса упоминаются торговые люди, которые, несомненно, жили здесь или приезжали сюда, разумеется, в связи с интенсивными торговыми взаимоотношениями Рима с местными племенами, так что с торговыми целями и в неопасном для римлян количестве представители местных племен должны были иметь доступ в канабу Фазиса.

²¹ O. V o h n, Rheinische «Lagerstädte», «Germania», Jahrg. X, N. 1, 1926, стр. 25 сл.; Т. Д. Златковская, Мезия в I—II вв. н. э., М., 1951, стр. 102 сл.; И. Т. Кругликова, Дакия в эпоху римской оккупации, М., 1955, стр. 116 сл.; Ш. Андре Ж у л ь е н, История Северной Африки, М., 1961, стр. 186 сл.

ном с. Гудава у устья р. Окуми ²⁶, т. е. приблизительно в 57 км к северу от Фазиса по побережью. Местонахождение Валентии и Мохоры неизвестно.

Упоминание Валентии в начале перечня говорит об очень важном значении этого пункта, указанное название которого как справедливо отмечал еще Н. Адонц, должно было сменить старое туземное ²⁷, несомненно, не менее известное, чем, например, название Гисса или Севастополя. К замечанию Н. Адонца можно также добавить, что название Валентия должно было появиться в эпоху правления Валента (364—375 гг.). С указанным фактом нужно сопоставить отсутствие в перечне таких важных крепостей, как Апсар и Фазис, допустив при этом, что одна из названных крепостей могла быть переименована в Валентию. Нам кажется, что такой крепостью мог быть только Апсар, ибо он был и более важен для римлян, чем Фазис, и его, кроме того, римлянам легче было также удерживать. Фазис же находился в центре побережья Лазского царства, которое возникло и усилилось в Колхиде в IV в. Именно в результате усиления Лазского царства и была, по-видимому, ликвидирована или вообще не восстановлена римская крепость в Фазисе.

Сам же факт переименования Апсара мог быть связан, по-видимому, с его восстанием, которое, как говорилось, и было зафиксировано в Апсарском каstellе, продолжавшем, судя по «Пасхальной хронике», свое существование. Таким образом, мы, возможно, имеем данные для точной датировки II строительного слоя Апсарского каstellа, который нужно связывать со строительной деятельностью Валента, зафиксированной эпиграфическими памятниками и в других районах Римской империи ²⁸.

Говоря о возможности недолговременного наименования Апсара Валентией, здесь интересно вспомнить еще одно, правда, более позднее, укрепление в Восточном Причерноморье — Петру, которое также имело второе наименование — Юстиниана, связанное с именем ее основателя (или же «преобразователя») (СЖС, III, XXVIII).

Следующей расположенной на побережье к северу от Зиганиса римской крепостью был Севастополь, локализуемый в гор. Сухуми ²⁹. Севастополь отстоит от Зиганиса приблизительно на 60 км. После Плиния эта крепость упоминается Аррианом (Peripl. 26), который пишет, что она «представляет собой конечный пункт римского владычества на правой стороне от входа в Понт». Из этого указания, а также из всего перечня восточнопричерноморских римских крепостей Арриана видно, что к 134 г. в «Понтийский лимес» на территории СССР входило только три каstellа: Апсар, Фазис и Севастополь.

С посещением Севастополя Аррианом связывают фрагмент плохо сохранившейся надписи на обломке плиты, найденной в Сухуми в 1896 г. В этом фрагменте надписи уцелели полностью только следующие буквы:

AD
PER · FL · A
LEG

которые М. И. Ростовцев читал следующим образом: ...H[ad[ri]anus] ... per Fl(avium) A[dr]ianum] .../... leg(atum) [pro pr(aetore)], полагая, что надпись сообщала о постройке в Севастополе Аррианом какого-то сооружения ³⁰. Л. А. Ельницкий же дополняет указанную надпись несколько по-иному и наиболее интересная часть его дополнения выглядит так: ... Had[ri]anus] ... c(astra) n(umerorum) in Sebastopoli c(uravit) per Fl(avium) A[dr]ianum] leg(atum) [p(ro) c(onsule)]. Согласно М. И.

²⁶ Н. А. Бердзенишвили, Вазиат в феодальной Грузии, «Известия Ин-та языка истории и материальной культуры им. акад. Н. Я. Марра», X, Тбилиси, 1941 (на груз. яз.), стр. 299.

²⁷ Н. Адонц, Армения в эпоху Юстиниана, СПб., 1908, стр. 101.

²⁸ М. И. Ростовцев, Новые латинские надписи из Херсонеса, «Известия Археологической комиссии», 23, СПб., 1907, стр. 8 сл.

²⁹ Первые Севастополь локализовал Ф. Брун («Черноморье», ч. II, Одесса, 1880, стр. 247).

³⁰ М. И. Ростовцев, Надпись из Сухума, ЗООИД, XXVI, 1907, стр. 365 сл.

Ростовцеву и Л. А. Ельницкому, Арриан укрепил военный лагерь в Севастополе во время того приезда сюда, который описан в «Перипле»³¹. Однако в данном случае нужно учесть, что в самом «Перипле» ничего не говорится о строительстве Арриана в Севастополе, в то время как здесь же подробно перечисляются его менее важные и поспешные мероприятия в указанном пункте (Peripl. 14). Нам кажется, что если бы Арриан во время своего пребывания в Севастополе что-либо выстроил, то он обязательно упомянул бы об этом в «Перипле», как он это делает в отношении рва, вырытого им в Фазисе. Так что сухумскую надпись нужно, по-видимому, связывать скорее со всем периодом пребывания Арриана на должности легата Каппадокии.

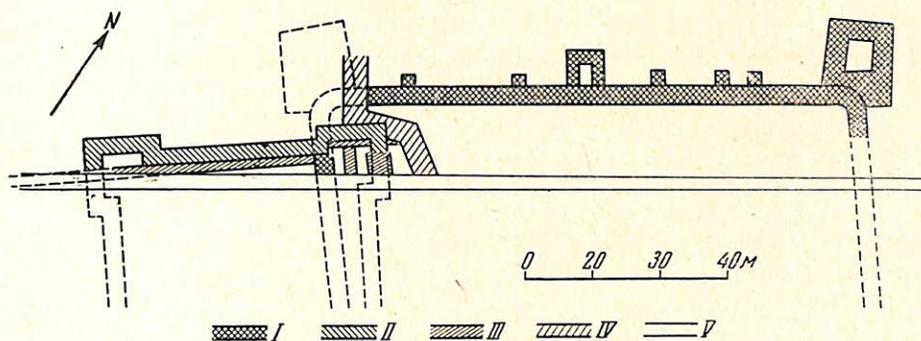

Рис. 6. План кастеллов в Севастополе: I — римский кастелл; II — юстиниановский кастелл; III — не определенные стены; IV — стены турецкой крепости; V — парапет современной набережной

Севастополь упоминают также Notitia dignitatum, Прокопий (Bell. Goth. VIII, 4; De aed. III, 7) и XXVIII новелла Юстиниана. В последнем документе Севастополь вместе с Питгунтом упоминаются, несмотря на свое местонахождение в Колхиде, в составе римско-византийской провинции Полемоновский Понт: «В Полемоновский же Понт входят пять других [городов]: Неокесарея, Комана, Трапезунд, Керасунт и Полемонопон (ведь Питгунт с Севастополем нужно скорее считать крепостями, чем городами), так что состав каждого из двух Понтов таков»³². Включение обеих крепостей в состав Полемоновского Понта можно объяснять только тем, что они находились в упомянутой провинции лишь в административно-политическом отношении, а не географическом, т. е. гарнизоны обеих крепостей подчинялись командованию Полемоновского Понта. В этой же новелле имеется и указание о том, что Севастополь и Питгунт — крепости, а не города.

Остатки Севастополя, выявленные в 1959 г. на Сухумской набережной раскопками Л. А. Шервашидзе и Л. Н. Соловьева³³, представляют собой главным образом развалины двух кастеллов (см. рис. 6, 7)³⁴, большая часть которых была расположена на территории, занимаемой ныне морем. Стены более древнего, римского кастелла были выполнены кладкой opus mixtum, в которой кирпичный пояс состоял из двух рядов кирпича. План кастелла отличался параллелограммовидной формой и закругленностью углов. Обе эти особенности плана наблюдаются и во многих других римских укреплениях³⁵. Судя по сохранившимся остаткам, описываемый кастелл должен был иметь

³¹ Л. А. Ельницкий, О малоизвестных или утраченных греческих и латинских надписях Закавказья, ВДИ, 1964, № 2, стр. 139 сл.

³² С.С. III, нов. XXVIII.

³³ Л. А. Шервашидзе, Л. Н. Соловьев, Исследование древнего Севастополя, СА, 1960, № 3, стр. 171 сл.

³⁴ В. А. Леквинадзе, Оборонительные сооружения Севастополя СА, 1966, № 1, стр. 203 сл.

³⁵ A n t h e s, ук. соч., рис. 18, 19; W. S c h l e i e r m a c h e r, Der obergermanische Limes und spätrömische Wehranlagen an Rhein, «33. Bericht der römisch-germ. Kommission», В., 1951, рис. 17, 21.

ном с. Гудава у устья р. Окуми ²⁶, т. е. приблизительно в 57 км к северу от Фазиса по побережью. Местонахождение Валентии и Мохоры неизвестно.

Упоминание Валентии в начале перечня говорит об очень важном значении этого пункта, указанное название которого как справедливо отмечал еще Н. Адонц, должно было сменить старое туземное ²⁷, несомненно, не менее известное, чем, например, название Гисса или Севастополя. К замечанию Н. Адонца можно также добавить, что название Валентия должно было появиться в эпоху правления Валента (364—375 гг.). С указанным фактом нужно сопоставить отсутствие в перечне таких важных крепостей, как Апсар и Фазис, допустив при этом, что одна из названных крепостей могла быть переименована в Валентию. Нам кажется, что такой крепостью мог быть только Апсар, ибо он был и более важен для римлян, чем Фазис, и его, кроме того, римлянам легче было также удержать. Фазис же находился в центре побережья Лазского царства, которое возникло и усилилось в Колхиде в IV в. Именно в результате усиления Лазского царства и была, по-видимому, ликвидирована или вообще не восстановлена римская крепость в Фазисе.

Сам же факт переименования Апсара мог быть связан, по-видимому, с его восстановлением, которое, как говорилось, и было зафиксировано в Апсарском кастелле, продолжавшем, судя по «Пасхальной хронике», свое существование. Таким образом, мы, возможно, имеем данные для точной датировки II строительного слоя Апсарского кастелла, который нужно связывать со строительной деятельностью Валента, зафиксированной эпиграфическими памятниками и в других районах Римской империи ²⁸.

Говоря о возможности недолговременного наименования Апсара Валентией, здесь интересно вспомнить еще одно, правда, более позднее, укрепление в Восточном Причерноморье — Петру, которое также имело второе наименование — Юстиниана, связанное с именем ее основателя (или же «преобразователя») (СЖС, III, XXVIII).

Следующей расположенной на побережье к северу от Зиганиса римской крепостью был Севастополь, локализуемый в гор. Сухуми ²⁹. Севастополь отстоит от Зиганиса приблизительно на 60 км. После Плиния эта крепость упоминается Аррианом (Peripl. 26), который пишет, что она «представляет собой конечный пункт римского владычества на правой стороне от входа в Понт». Из этого указания, а также из всего перечня восточнопричерноморских римских крепостей Арриана видно, что к 134 г. в «Понтийский лимес» на территории СССР входило только три кастелла: Апсар, Фазис и Севастополь.

С посещением Севастополя Аррианом связывают фрагмент плохо сохранившейся надписи на обломке плиты, найденной в Сухуми в 1896 г. В этом фрагменте надписи уцелели полностью только следующие буквы:

AD
PER · FL · A
LEG

которые М. И. Ростовцев читал следующим образом: ...H[ad[ri]anus] ... per Fl[avi]um A[rr]ianum] .../... leg[at]um [p[ro] p[ro]p[ri]etate], полагая, что надпись сообщала о постройке в Севастополе Аррианом какого-то сооружения ³⁰. Л. А. Ельницкий же дополняет указанную надпись несколько по-иному и наиболее интересная часть его дополнения выглядит так: ... Hadr[ianus] ... c[on]s[ul]e n[um]eror[um] in Sebas-topoli c[on]s[ul]e per Fl[avi]um A[rr]ianum] leg[at]um [p[ro] c[on]s[ul]e]. Согласно М. И.

²⁶ Н. А. Бердзенишвили, Вазира в феодальной Грузии, «Известия Ин-та языка истории и материальной культуры им. акад. Н. Я. Марра», X, Тбилиси, 1941 (на груз. яз.), стр. 299.

²⁷ Н. Адонц, Армения в эпоху Юстиниана, СПб., 1908, стр. 101.

²⁸ М. И. Ростовцев, Новые латинские надписи из Херсонеса, «Известия Археологической комиссии», 23, СПб., 1907, стр. 8 сл.

²⁹ Впервые Севастополь локализовал Ф. Брун («Черноморье», ч. II, Одесса, 1880, стр. 247).

³⁰ М. И. Ростовцев, Надпись из Сухума, ЗООИД, XXVI, 1907, стр. 365 сл.

Ростовцеву и Л. А. Ельницкому, Арриан укрепил военный лагерь в Севастополе во время того приезда сюда, который описан в «Перипле»³¹. Однако в данном случае нужно учесть, что в самом «Перипле» ничего не говорится о строительстве Арриана в Севастополе, в то время как здесь же подробно перечисляются его менее важные и поспешные мероприятия в указанном пункте (Peripl. 14). Нам кажется, что если бы Арриан во время своего пребывания в Севастополе что-либо выстроил, то он обязательно упомянул бы об этом в «Перипле», как он это делает в отношении рва, вырытого им в Фазисе. Так что сухумскую надпись нужно, по-видимому, связывать скорее со всем периодом пребывания Арриана на должности легата Каппадокии.

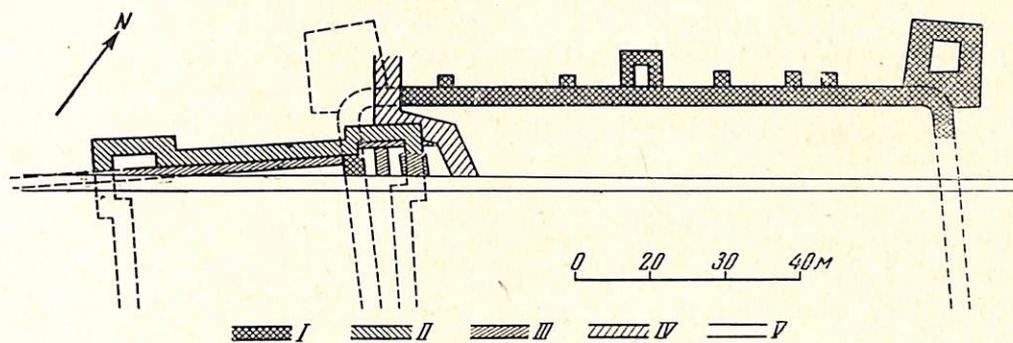

Рис. 6. План кастеллов в Севастополе: I — римский кастелл; II — юстиановский кастелл; III — не определенные стены; IV — стены турецкой крепости; V — парапет современной набережной

Севастополь упоминают также Notitia dignitatum, Прокопий (Bell. Goth. VIII, 4; De aed. III, 7) и XXVIII новелла Юстиниана. В последнем документе Севастополь вместе с Питиунтом упоминаются, несмотря на свое местонахождение в Колхиде. в составе римско-византийской провинции Полемоновский Понт: «В Полемоновский же Понт входят пять других [городов]: Неокесарея, Комана, Трапезунд, Керасунт и Полемонион (ведь Питиунт с Севастополем нужно скорее считать крепостями, чем городами), так что состав каждого из двух Понтов таков»³². Включение обеих крепостей в состав Полемоновского Понта можно объяснить только тем, что они находились в упомянутой провинции лишь в административно-политическом отношении, а не географическом, т. е. гарнизоны обеих крепостей подчинялись командованию Полемоновского Понта. В этой же новелле имеется и указание о том, что Севастополь и Питиунт — крепости, а не города.

Остатки Севастополя, выявленные в 1959 г. на Сухумской набережной раскопками Л. А. Шервашидзе и Л. Н. Соловьева³³, представляют собой главным образом развалины двух кастеллов (см. рис. 6, 7)³⁴, большая часть которых была расположена на территории, занимаемой ныне морем. Стены более древнего, римского кастелла были выполнены кладкой opus mixtum, в которой кирпичный пояс состоял из двух рядов кирпича. План кастелла отличался параллелограммовидной формой и закругленностью углов. Обе эти особенности плана наблюдаются и во многих других римских укреплениях³⁵. Судя по сохранившимся остаткам, описываемый кастелл должен был иметь

³¹ Л. А. Ельницкий, О малоизвестных или утраченных греческих и латинских надписях Закавказья, ВДИ, 1964, № 2, стр. 139 сл.

³² СТС, III, nov. XXVIII.

³³ Л. А. Шервашидзе, Л. Н. Соловьев, Исследование древнего Севастополя, СА, 1960, № 3, стр. 171 сл.

³⁴ В. А. Леквинадзе, Оборонительные сооружения Севастополя, СА, 1966, № 1, стр. 203 сл.

³⁵ A n t h e s, ук. соч., рис. 18, 19; W. Schleiernacher, Der obergermanische Limes und spätrömische Wehranlagen an Rhein, «33. Bericht der römisch-germ. Kommission», В., 1951, рис. 17, 21.

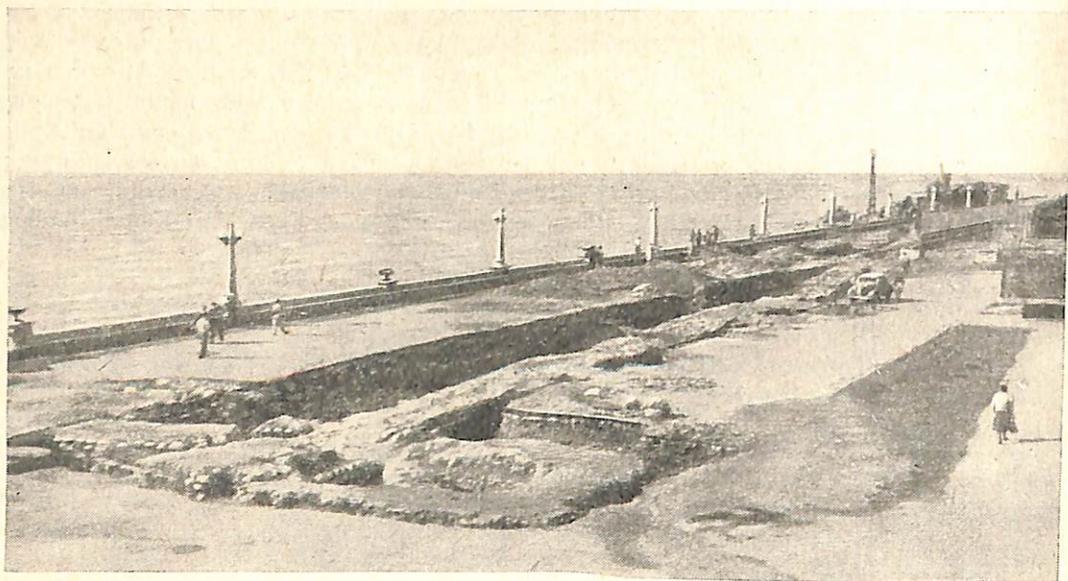

Рис. 7. Общий вид раскопок в Севастополе

четыре угловые башни и четыре (или шесть) промежуточные. Кладка башен не перевязывается с кладкой куртин, что говорит о одновременности сооружения тех и других. Это обстоятельство подтверждается, по-видимому, и закругленностью углов ограды, которые до пристройки угловых башен лучше могли бы противостоять ударам тарана, чем острые углы. Описанный кастрелл, судя по кладке и другим аналогиям, датируется, скорее всего, II—III веками. Площадь кастрелла была невелика — от 0,6 до 0,8 га. Существует мнение, что кастреллы указанных размеров предназначались для воинского подразделения, именуемого *numeri*³⁶. Упомянутая же в Севастополе на рубеже IV и V вв. *Cohors prima Claudia equitata* (*Not. dignit.*, ог. XXXVIII), возможно, также соответствовала указанным размерам кастрелла, ибо в IV в., как известно, происходит резкое уменьшение численности римских легионов³⁷, соответственно чему могла уменьшиться и численность когорт. В общем гарнизон описанного кастрелла не должен был превышать 200 солдат.

Разрушение описанного кастрелла надо связывать, по-видимому, с тем разрушением Севастополя самими византийцами, о котором сообщает нам Прокопий (*Bell. Goth.* VIII, 4; *De aed.* III, 7).

Второй — более поздний и меньший — кастрелл Севастополя выстроен был, по-видимому, Юстинианом, о чем свидетельствует в первую очередь его сходство с другой выстроенной Юстинианом восточнопричерноморской крепостью — Лосорионом³⁸.

Заканчивая описание Севастополя, следует упомянуть еще об одном, к сожалению, пока не опубликованном сооружении. В 1954 г. на окраине Сухуми М. М. Трапш раскопал римскую сторожевую башню, в которой было найдено шесть римских монет — Коммода и Септимия Севера³⁹. Таким образом, описанные выше кастреллы не являлись единственным видом фортификационных сооружений «Понтийского лимеса».

³⁶ Fabricius, ук. соч., стб. 578.

³⁷ Холмогоров, ук. соч., стр. 83 сл.

³⁸ В. А. Леквинадзе, Об одной византийской крепости, «Сообщ. АН Груз-ССР», XLVII, 2, 1967, стр. 505 сл.

³⁹ К. В. Голенко, Денежное обращение Колхиды в римское время, Л., 1964, стр. 29 сл.

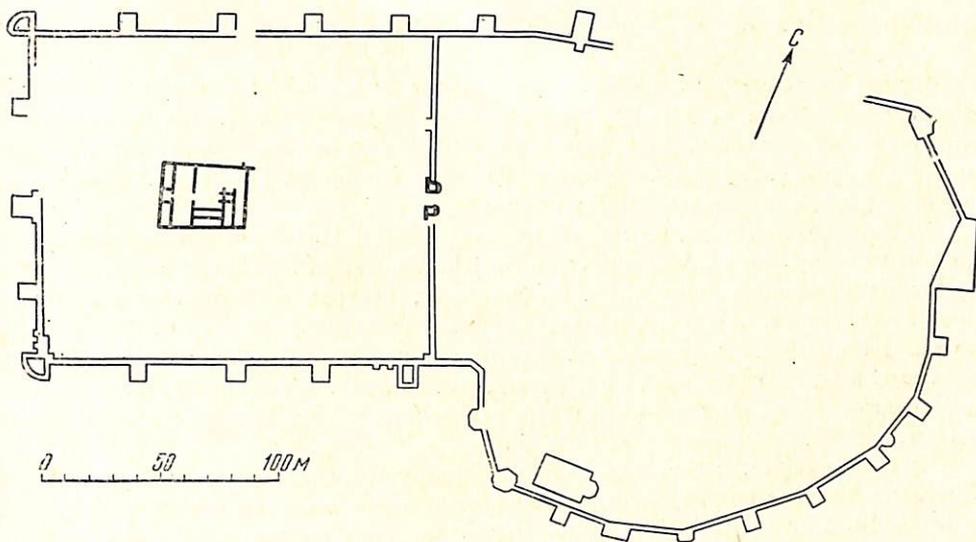

Рис. 8. План оборонительных стен Питиунта по Р. Рамишвилли

Следующей расположенной к северу от Себастополя римской крепостью был Питиунт. Расстояние между обоими пунктами приблизительно 58 км. Питиунт упоминается впервые как крепость (*φρούριον*) Зосимом во второй половине III в. при описании опустошительных нашествий готов и боранов, совершенных в пределы Римской империи вдоль восточных берегов Черного моря. Интересна отмеченная у Зосима (I, 32) возможность концентрации восточнопричерноморских римских гарнизонов в одном месте, что свидетельствует, по-видимому, о практиковавшейся в случае особой опасности тактике этих гарнизонов.

Питиунт вместе с Себастополем упоминает и Прокопий, сообщая, что обе эти крепости были выстроены римлянами, которые вплоть до его дней «с самого начала держали здесь военный гарнизон» (Bell. Goth. VIII, 4).

Раскопки Питиунта начались в 1952 г. и продолжаются до сих пор, ведет их Институт истории АН ГрузССР, руководитель — А. М. Апакидзе. Судить о древнем Питиунте лучше всего по генеральному плану раскопок (см. рис. 8)⁴⁰, из которого видно, что в римскую и ранневизантийскую эпоху Питиунт состоял из двух частей: западной — прямоугольной в плане — и восточной — округлой. Прямоугольная часть, несомненно, является восстановленным типичным римским пограничным кастеллом, рассчитанным на гарнизон из одной когорты или алы (т. е. на гарнизон из 500 человек)⁴¹, о чем говорят размеры кастелла⁴². Именно одну такую алу — *Ala Felix Theodosiana* — и упоминает в Питиунте *Notitia dignitatum*.

Большинство башен кастелла было сооружено при его восстановлении, произведенном одновременно с постройкой (или восстановлением) укреплений восточной части Питиунта. Об этом говорит единая система расположения большинства башен всего Питиунта, а также отсутствие у кастелла угловых башен с восточной стороны. Основной восстановительный строительный слой оборонительных сооружений всего Питиунта можно датировать, по-видимому, IV веком, ибо веерообразная форма восстановленных угловых башен кастелла является, как известно, характерной для фортификационного строительства эпохи Константина⁴³. Интересно отметить также, что одна детально раскопанная «новая» башня кастелла имела в своей кладке кирпичный пояс из

⁴⁰ Р. М. Рамишвилли, Археологические раскопки в Бичвинта, «Материалы по археологии Грузии и Кавказа», III, Тбилиси, 1963 (на груз. яз.), рис. 1.

⁴¹ В. А. Леквинадзе, О некоторых сооружениях древнего Питиунта, КСИИ, 113, 1968, стр. 53 сл.

⁴² Дельбрюк, ук. соч., стр. 127.

⁴³ А. М. Боссу, *Pannonia, RE, IX Supplbd., стб. 636.*

четырёх рядов кирпича⁴⁴. Сооружения же с такими кирпичными поясами относят к IV—V вв.⁴⁵

Внутри кастелла были полностью или частично выявлены различные постройки, из которых наиболее важная находится в самом центре крепости. Это большое прямоугольное сооружение, определенное в «Отчете раскопок» как «внутреннее укрепление»⁴⁶, является в действительности типичным римским преторием II—III вв. Аналогичный преторий известен, например, в Арнсбурге⁴⁷.

Такие обстоятельства, как «когортные» размеры Питиунтского кастелла, наличие в нем претория и упоминание его в *Notitia dignitatum* на первом месте, свидетельствуют о местонахождении здесь, по-видимому, центрального командования целой группы гарнизонов, например, расположенных к северу от реки Фазис. Известно ведь, что *pumegi* придавались некоторым когортам и расквартировывались возле когортных кастелл⁴⁸. Единственный же хорошо известный нам, кроме Питиунта, кастелл этого района — в Себастополе — имел, как отмечалось, размеры, предназначавшиеся как раз для *pumegi*.

Кроме претория, к первоначальному кастеллу Питиунта относятся также остатки ворот, выявленные под восстановленной частью стены в середине восточной куртины укрепления. Ворота эти оборонялись двумя башнями интересной формы. Передняя массивная часть их снаружи закруглена, в то время как нижние помещения башен изнутри прямоугольны. Точно такие же башни известны у двух ворот Рима — *Porta Nomentana* и *Porta Arria*. Строительный слой башен описанной формы датируется в Риме III веком н. э.⁴⁹

Описанные остатки ворот первоначального кастелла Питиунта, судя по ориентировке претория, являлись *Porta Decumana*.

Восточная округлая в плане часть Питиунта, также обнесённая оборонительной стеной с башнями, была, несомненно, канабой, аналогичной канабе Фазиса, для обороны которой, судя по Арриану, также были проведены фортификационные мероприятия. О том, что канаба Питиунта тоже была заселена в основном ветеранами, говорит, по-видимому, и упоминание Прокопием (*Bell. Goth.* VIII, 9) римских солдат, которые «давно расселились среди абазгов». Эти, разумеется, отставные солдаты могли селиться в Восточном Причерноморье в первую очередь (если не только) в канабах.

Специфика канабы Питиунта заключается в том, что ее укрепления образуют единую оборонительную систему с восстановленным кастеллом, чего нельзя было сказать, например, об описанной Аррианом канабе Фазиса. Да и в Питиунте первоначальный кастелл в фортификационном отношении был в большей степени изолирован от канабы, о чем свидетельствует наличие двух древних башен у обращенных к канабе ворот. Единая же восстановленная оборонительная система всего Питиунта датируется, по-видимому, как говорилось, IV веком, а в это время, как известно, происходит процесс превращения солдат регулярных пограничных частей в обыкновенных военных колонистов, в связи с чем исчезла, вероятно, и сама необходимость в особенной изоляции канабы от кастелла, что и выразилось в Питиунте в единой восстановленной оборонительной системе. Однако лишенная башен стена, отделяющая здесь восстановленный кастелл от канабы, все-таки свидетельствует о том, что в IV в. разделение между обеими частями Питиунта в определенной степени намечалось, а следовательно, указанное определение каждой части Питиунта остается в силе и для IV в.

⁴⁴ О. С. Г а м б а ш и д з е, Предварительный отчет археологических работ, произведенных на VII раскопе в 1956—1957 гг., «Материалы по археологии Грузии и Кавказа», III, Тбилиси, 1963 (на груз. яз.), стр. 86, табл. I.

⁴⁵ С. Н. Б о б ч е в, Смешанная зидария, София, 1952.

⁴⁶ А. М. А п а к и д з е, О. Д. Л о р д к и п а н и д з е, Отчет о работах Причерноморской экспедиции..., «Научн. сессия, посв. итогам полевых археол. исследований 1959 г.», Тбилиси, 1960, стр. 35.

⁴⁷ P. C a g n a t, Praetorium (M. Ch. D a r e m b e r g, Edm. S a g l i o, Dictionnaire des antiquités Grecques et Romaines, Fas. 39, P., 1906, pnc. 5793).

⁴⁸ F a b r i c i u s, ук. соч., стб. 581.

⁴⁹ J. A. R i c h m o n d, The City Wall of Imperial Rome, Oxf., 1930, стр. 241 сл., рис. 15, 20.

В 3—4 км к северо-западу от Питиунтского кастелла были раскопаны в 1957 г. также остатки оборонительной стены с пристроенной к ней круглой башней. Найденные здесь археологические материалы показывают, что эта башня со стеной функционировали с перерывами с конца II в. или начала III в. по VI в. Было высказано мнение, что эта стена с башней являются остатками одного из районов «Великого Питиунта»⁵⁰. Однако нам кажется, что в данном случае мы имеем дело с фортификационным сооружением типа «длинной стены», которая обороняла с севера подступы к Питиунту или же защищала его земельные угодья от набегов местных племен.

Во время раскопок указанной башни была сделана очень интересная находка: обломок кирпича с фрагментированным штампом, на котором, к сожалению, уцелели только буквы leg(io). Нам кажется, что не сохранившаяся часть штампа сообщала номер и инициалы одного из двух каппадокийских легионов — XII Fulminata или XV Apollinaris, однако гарнизонную службу солдаты этих легионов в Питиунте, разумеется не несли. По-видимому, находка здесь штампованного кирпича говорит лишь о тесной связи «Понтийского лимеса» с указанными легионами, причем связь эта могла выражаться здесь в строительной деятельности рабочих отрядов этих легионов или же в выделении Питиунтского гарнизона из состава вспомогательных войск (auxilia), присоединенных к указанным легионам.

Второй и пока единственный римский кирпич со штампом, найденный на территории «Понтийского лимеса» еще в 1924 г. (рис. 9), содержит буквы VEXFA. Расшифровывать эти буквы можно, по-видимому, только так: VEX (illationes legionum XII) F(ulminatae et XV) A(pollinaris)⁵¹. Упоминание в штампе векиляций двух легионов вполне возможно, ибо известны даже кирпичные штампы, сообщающие названия векиляций пяти легионов⁵². Кроме того, описанный штамп можно сопоставить также с общеизвестной римской надписью 173—175 гг. из Эчмиадзина (Армения), где одновременно упоминаются векиляций обоих названных легионов, говорящее об их совместной строительной деятельности, уже не вызывает ни малейших сомнений⁵³.

Интересно отметить, что описанный кирпич со штампом найден в таком месте, где ни по письменным источникам, ни по развалинам пока не подтверждалось пребывание римлян. Кирпич этот был найден в Цихисдзире — здесь Юстиниан выстраивает в

Рис. 9. Римский кирпич со штампом из Цихисдзире

⁵⁰ О. Д. Лордкипанидзе, Предварительный отчет разведочно-археологических работ, проведенных в окрестностях озера Инкит, «Материалы по археологии Грузии и Кавказа», III, Тбилиси, 1963 (на груз. яз.), стр. 97 сл.

⁵¹ В. А. Лекинадзе, Римский кирпич со штампом из Цихисдзире, «Сообщ. АН ГрузССР», XLV, 3, 1967, стр. 797 сл.

⁵² Th. Mommsen, Lingonischen Legionsziegel, «Hermes», XIX, 1884, стр. 439 сл.

⁵³ М. И. Ростовцев, Надпись из Эчмиадзина, «Известия Археологической комиссии», 33, СПб., 1909, стр. 2.

VI в. гор. Петру. Однако со стратегической точки зрения месторасположение Петры настолько важно — рельеф здесь образует на побережье *défile*, — что это место могло быть оценено еще и римлянами — там могла находиться их сторожевая башня или же небольшое укрепление, являвшееся форпостом Апсарского кастелла.

Как мы видели, существуют только три полных списка римских кастеллов в Восточном Причерноморье. И первый и второй списки — сведения Плиния и Арриана — отражают лишь начальную стадию развития «Понтийского лимеса», когда римские гарнизоны еще не стояли в Питиунте и Зиганисе. Третий же список — это *Notitia dignitatum*, в которой должно уже отразиться уменьшение числа римских крепостей в этом районе, о чем свидетельствует отсутствие здесь упоминания о Фазисе. Между сведениями Арриана и *Notitia dignitatum* лежит приблизительно четверть тысячелетия — время, для которого у нас, к сожалению, нет списков рассматриваемых крепостей. Между тем, в течение этого времени организация «Понтийского лимеса» должна была завершиться, достигнуть своего расцвета, претерпеть разгром (во время нашествия готов и баранов) и быть вновь восстановленной.

Под периодом расцвета «Понтийского лимеса» нужно подразумевать то время, когда в Восточном Причерноморье имелось максимальное количество римских крепостей. В какой-то степени о расцвете «Понтийского лимеса» говорят и находки римских монет, сделанные во время раскопок Питиунта и Себастополя; количество этих монет резко возрастает с конца II в. и уменьшается к концу IV в.⁵⁴ Таким образом, и монетами наиболее широко представлен как раз тот период, в который «Понтийский лимес» наименее освещен письменными источниками.

Какие же в Восточном Причерноморье могли быть еще римские крепости, кроме перечисленных выше?

В первую очередь, нам кажется, к ним должна быть причислена древняя крепость в Гагре, остатки которой были обнаружены еще И. Е. Адзинбой и Л. Н. Соловьевым под русским укреплением XIX в.⁵⁵ Как известно, древнее гагрское укрепление — это Трахея⁵⁶, описанная Прокопием, хотя он и отмечает (*Bell. Goth.* VIII, 9), что Трахею выстроили абазги и что они же ею и владели. В действительности Трахея должна была быть выстроена римлянами, которым она и принадлежала первоначально, о чем свидетельствует чисто римский характер ее расположения (на самом берегу моря, под горой) и довольно опасная для абазгской крепости близость с Питиунтом — главной крепостью римлян в Восточном Причерноморье (расстояние между обоими пунктами всего 17 км). Интересно, что, судя по Ф. Дюбуа де Монпере, древняя крепость в Трахее также имела прямоугольный план⁵⁷ и, следовательно, должна была быть кастеллом. О позднеантичном, а не раннесредневековом происхождении Трахеи говорит ее древнейшая кладка и одна дверная арка, которые мы можем сравнить в Восточном Причерноморье только с кладками и арками Апсара и Археополиса⁵⁸. С Прокопием можно согласиться лишь в том, что в начале VI в., когда лучшие дни римского владычества в Колхиде уже давно прошли, — Трахеей действительно владели абазги. Некомпетентность же Прокопия в отношении более древней истории рассматриваемых крепостей видна хотя бы из того, что, по его мнению (*Bell. Goth.* VIII, 2, 4), количество этих крепостей достигает максимума уже при Траяне, при котором, в действительности, судя по Арриану, не были выстроены еще крепости в Питиунте и Зиганисе.

Приблизительно в 70 км к северу от Питиунта на самом берегу моря возле Сочи в XIX в. хорошо были видны развалины крепости Мамай-Кала. Об этой крепости сейчас приходится судить исключительно по данным В. Сизова (см. рис. 10), который считал

⁵⁴ Г. Д у н д у а, Питиунт-Бичвинта по нумизматическим материалам, «Научн. сессия, посв. итогам полевых археологических исследований 1962 г.», Тбилиси, 1963 (на груз. яз.), стр. 62 сл.; Г о л е н к о, ук. соч., стр. 19 сл.

⁵⁵ И. А д з и н б а, Архитектурные памятники Абхазии, Сухуми, 1958, стр. 13 сл.

⁵⁶ С. Д ж а н а ш и а, Труды, I, Тбилиси, 1949 (на груз. яз.), стр. 75, прим. 3.

⁵⁷ D u b o i s d e M o n t p é r e u x, Voyage... Atlas au 1e serie, табл. XVIII.

⁵⁸ В. А. Л е к в и н а д з е, О древнейших оборонительных сооружениях Археополиса-Нокалакеви, СА, 1959, № 3, стр. 144 сл.

ее византийской или генуэзской и датировал XIII—XIV вв.⁵⁹ В действительности же эта крепость, по-видимому, тоже была римской⁶⁰, о чем говорят ее характерный для римских кастеллов прямоугольный план, зарисованная В. Сизовым кладка из крупных хорошо отесанных блоков, аналогичных блокам Апсара и Трахеи, сходство двух ее угловых башен с угловыми башнями Апсара, отсутствие каких-либо письменных данных о строительстве византийских крепостей в Восточном Причерноморье после VI в. и отсутствие Мамай-Калы в средневековых итальянских картах. Не исключена возможность, что Мамай-Кала была той Мохорой, которую упоминает *Notitia dignitatum*.

К северу от Мамай-Калы на берегу моря Аноним (*Peripl.* 58) упоминает крепость Багу (*Βαγῶνα κάστρον*), которая локализуется где-то между Туапсе и Макопсе⁶¹, т. е. приблизительно в 70 км к северу от Мамай-Калы. Эту Багу, по-видимому, можно отождествить с Батой более древних источников; ее важное значение видно из того, что только этот пункт и упоминается (неоднократно) Страбоном (XI, 214) на всем отрезке побережья между Синдикой (Анапа) и Питиунтом. Говоря о возможности упоминания Анонимом Баты с опской, мы, естественно, могли бы получить у него и более точные, чем у Страбона, координаты (в стадиях) о местонахождении этого пункта, который локализовался раньше исследователями несколько севернее — возле Новороссийска⁶². Почти аналогичное положение наблюдается у Анонима и в отношении другой стоянки римского гарнизона, а именно, в отношении упомянутого в «Мученичестве Ориентия» и в *Notitia dignitatum* *Καινὴ παρεμβολή* = *Caene Perembole* (т. е. «Нового лагеря»), и в *Notitia dignitatum* *Καλὴν παρεμβολήν* = *Caena Perembole* (т. е. «Нового лагеря»), в переводе уже «Прекрасный лагерь»), но для него, тем не менее, мы находим у Анонима более точные координаты.

Интересно отметить, что если все рассмотренные крепости фигурируют в греческих письменных источниках в качестве *φρούριον*, что соответствует, судя по Прокопию (*De aed.* II, 5), латинскому *castellum*, то Аноним определяет Багу-Бату чисто римским термином — *κάστρον*, что лишь подчеркивает, по-видимому, римское происхождение этой крепости. Однако кастрой — в смысле легионного лагеря — Бага-Бата, конечно, быть не могла, как не могли быть легионными лагерями и Питиунт с Себастополем, также именуемые кастрами в латинском тексте цитированной здесь новеллы Юстиниана.

О римском происхождении крепости Баги, а также и Мамай-Калы говорят не только их расположение на берегу моря, контролируемого римлянами, но и следующее обстоятельство: расстояние от Питиунта до Мамай-Калы и от последней до Баги вполне соответствует той четко выраженной системе дислокации почти всех восточнопричерноморских римских крепостей (за исключением Трахеи), по которой промежутки между этими крепостями должны были быть приблизительно одинаковыми — 57—70 км. Эти промежутки были определены, несомненно, характером каботажной навигации, что подтверждается, например, тем указанием Арриана (*Peripl.* 27), где он называет Питиунт следующей после Себастополя корабельной стоянкой (причем Питиунт не был еще оккупирован римлянами).

Каботажная навигация вдоль восточных берегов Черного моря контролировалась и осуществлялась римлянами, по-видимому, лишь с того времени как все римские крепости уже были выстроены вдоль берега (т. е. не ранее второй половины II в.). До этого же Себастополь, а затем и Питиунт, вероятно, были конечными пунктами и для римского мореплавания, во всяком случае, у Арриана (*Peripl.* 26) освоение каботажного мореплавания в этом районе намечается, видимо, лишь в перспективе. Использование мореплавания в этом районе намечается, видимо, лишь в перспективе. Использование мореплавания в этом районе намечается, видимо, лишь в перспективе. Использование мореплавания в этом районе намечается, видимо, лишь в перспективе. Использование мореплавания в этом районе намечается, видимо, лишь в перспективе.

⁵⁹ В. Сизов, Восточное побережье Черного моря, «Материалы по археологии Кавказа», II, М., 1889, стр. 5 сл.

⁶⁰ В. А. Лекинадзе, По поводу римских крепостей Восточного Причерноморья, «Сообщ. АН ГрузССР», XL: 1, 1965, стр. 247 сл.

⁶¹ Брун, ук. соч., табл. III.

⁶² См., например, Гайдукевич, ук. соч., стр. 220.

Однако предполагаемое освоение римлянами каботажной навигации в Восточном Причерноморье и «защита плавающих здесь» не были единственными и основными функциями рассматриваемых крепостей. Главное их назначение заключалось, несомненно, в том, что они сторожили путь, по которому в пределы Римской империи могли вторгаться воинственные племена Предкавказья, причем под этим путем следует подразумевать не только каботажную трассу вдоль восточных берегов Черного моря, но обязательно и сухопутную дорогу, прижатую на севере и юге Колхиды к морю непроходимыми горами. Именно последним обстоятельством и следует, по-видимому, объяснить тот порядок, в каком здесь стали появляться (а в V—VI вв., возможно, и ликвидироваться)

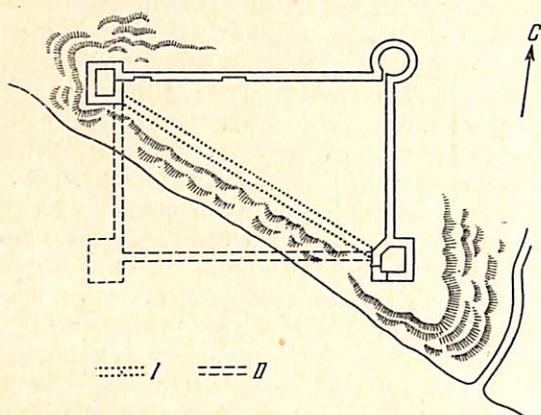

Рис. 10. План Мамай-Калы по В. Сизову: I — реконструированная часть крепости по В. Сизову; II — второй вариант реконструкции

лазов и остальных местных племен, которых римляне обязывали в первую очередь нести оборону римских границ, т. е. не пропускать через свою территорию беспокойные племена Предкавказья. Об этой обязанности местных племен письменных данных для позднеантичного времени нет, но зато таковые есть для раннего средневековья: «Лазы... не платили римлянам никакой дани и не были у них в повиновении. Царь лазов обязан был охранять силами своих подданных границы и не допускать, чтобы враждебные гунны с Кавказа, смежного с их областью, вторгались через Лазикку в римские владения. Они стерегли границы, не получая от римлян ни денег, ни войска; они не следовали за ними в походы» (Проспер., Bell. Pers. II, 15).

Исходя из всего изложенного выше, можно теперь отметить конкретные особенности рассмотренных крепостей.

В отличие от обычных римских пограничных крепостей, расположенных вдоль границы, дислокация кастеллов «Понтийского лимеса» образует «эшелон», соответствующий охраняемой ими трассе. Наиболее характерной особенностью рассмотренных кастеллов является их расположение на берегу моря, их «военно-морской» характер. Все остальные известные нам римские кастеллы сооружались исключительно внутри континента, несмотря на то, что имелась, возможно, надобность в таких крепостях и в некоторых районах римского побережья. Так, в частности, не были укреплены крепостями морские берега римской Галлии и Британии, подвергавшиеся в IV в. хищническим набегам саксов⁶³. Говоря о том, что выстроенные на берегу моря кастеллы известны нам только в Восточном Причерноморье, мы не подразумеваем, конечно, отсутствие на побережье римских гарнизонов вообще — таковые, однако, как правило, стояли в городах, а не в крепостях, примером чему могут служить многие причерноморские города:

⁶³ Э. Г и б б о н, История упадка и разрушения Римской империи, III, М., 1884, стр. 105 сл.

ся) римские крепости: не постепенно с юга на север, а сразу же на юге — Алсар — и на севере — Севастополь, после чего между двумя этими крепостями появились крепости в Фазисе и Зиганисе. Значение рассматриваемых крепостей для Римской империи видно из сообщения Зосима (I, 32) о том, что Питиунт, выдержав в первый раз осаду готов и боранов, спас этим жителей Эвксинского Понта, под которыми, разумеется, нужно подразумевать население малоазийских провинций Рима.

Рассмотренные крепости обороняли подступы к Римской империи не только непосредственно, но и косвенно: с помощью этих крепостей поддерживалась вассальная зависимость

Херсонес, Ольвия⁶⁴, Тира, Томи⁶⁵, Трапезунд и т. д. Последнее обстоятельство, по-видимому, отчасти объясняет «субъективную» причину сооружения римлянами в Восточном Причерноморье кастеллов — римляне здесь городов, точнее говоря, городских фортификационных сооружений, не застали.

Местонахождение римских гарнизонов в Восточном Причерноморье на берегу моря объясняется не только обороной прибрежной дороги, но и затруднениями, с которыми было бы связано пребывание римских гарнизонов внутри страны, где их полностью бы окружала территория полунезависимых племен. От этих племен и зависела бы связь таких гарнизонов с метрополией. Размещение же римских гарнизонов на самом берегу свободно позволяло осуществлять эту связь по морю. Связь с морем играла в данном случае настолько существенную роль для римлян, что последние в ущерб стратегическим выгодам не строили здесь своих укреплений на несколько удаленных от моря возвышенностях, которые имелись в Апсаре, Трахее и в Себастополе⁶⁶, где такую возвышенность используют позднее грузины для сооружения крепости — так называемого «Замка Баграта».

Обычные римские кастеллы обороняли границы Римской империи на самих же границах, где они соответственно и были расположены. Кроме того, известны случаи — в Британии и Африке, когда римские кастеллы были выдвинуты вперед, за лимес, здесь они обороняли уже не самую границу в узком смысле этого слова, а подступы к ней⁶⁷. Однако сам принцип обороны подступов к владениям Римской империи, по-видимому, нигде не был так ярко выражен, как в Восточном Причерноморье, где кастеллы были особенно удалены от этих владений, что также составляет характерную черту «Понтийского лимеса».

Вплоть до эпохи Юстиниана характер и назначение «Понтийского лимеса» оставались, по-видимому, неизменными, несмотря на то, что последний постепенно приходил в упадок, довольно ярко отраженный в следующих словах Прокопия: «... римляне выстроили два приморских укрепления: Себастополь и Питиунт... В прежнее время легионы римских войск занимали все местечки по побережью от Трапезунда до страны сагинов; теперь же у них оставались только эти два укрепления, в которых еще в мое время стояли гарнизоны» (Bell. Goth. VIII, 4). Однако в указанном районе в руках византийцев продолжал оставаться, как говорилось, еще и Апсар, о чем свидетельствует упоминание его Агафием — в апсарскую тюрьму византийцы заключают двух своих провинившихся саповников (Agath., Hist. III, 14).

При Юстиниане у Византии в Восточном Причерноморье появились новые стратегические задачи — в 523 г. самый опасный противник Византии — Сасанидский Иран — окончательно овладевает Иберией и получает, таким образом, возможность вторгаться теперь в пределы Византии через Иберию в Лазикку, а затем в Южное Причерноморье. Эта возможность отображена у Прокопия. «Обладание Лазиккой будет персам полезно в том отношении, что они из этой страны без всякого труда будут в состоянии нападать сухим путем и морем на лежащие при Понте Эвксинском места, покорить Каппадокию и соседственные с нею Галатию и Вифинию и быстрым нашествием взять самое Византию, не встречая нигде сопротивления» (Bell. Pers. II, 28). При таком положении дела Питиунт и Себастополь теряли свое стратегическое значение, в связи с чем Юстиниан разрушает здесь унаследованные им от римлян крепости и выводит на время отсюда гарнизоны (Bell. Goth. VIII, 4; De aed. III, 7). Все внимание Юстиниана привлекает теперь южное побережье Колхиды, где только и можно было преградить персам дорогу из Лазики в Византию. Именно здесь Юстиниан и выстраивает три новых укрепления, перечисляемых Прокопием в «периплообразном» порядке: Ризанон,

⁶⁴ Ростовцев, Римские гарнизоны..., стр. 144 сл.

⁶⁵ Златковская, ук. соч., стр. 116 и 122.

⁶⁶ Важную роль рельефу при строительстве укреплений «Понтийского лимеса» придает в VI в. лишь Юстиниан.

⁶⁷ Fabricius, ук. соч., стб. 580.

Лосорион и город Петру (De aed. III, 7). Здесь же Прокопий сообщает и о том, что после окончания византийско-персидских войн в Лазике Юстиниан восстанавливает Себастополь, превращая его из крепости в город. Этим исчерпываются все письменные сведения о «Понтийском лимесе». Не известны пока также и какие-либо другие остатки сооружений «Понтийского лимеса»⁶⁸. После Юстиниана византийцы, по-видимому, никаких новых фортификационных сооружений в Восточном Причерноморье не строили и ограничивались лишь ремонтом некоторых старых римских и юстиниановских укреплений. Когда перестают стоять в Восточном Причерноморье византийские гарнизоны — неизвестно.

В заключение следует отметить еще одно важное обстоятельство: три рассмотренные здесь римские крепости — Фазис, Себастополь и Питиунт — были выстроены на месте или возле прежних греческих городов-колоний. Две крепости — Фазис и Питиунт — унаследовали даже названия этих городов. Позднеантичными городами считают Апсар, Себастополь и Питиунт все исследователи, специально занимавшиеся или занимающиеся их археологическим изучением⁶⁹. Однако, судя по рассмотренным письменным источникам и по самим остаткам памятников, ни один из оккупированных римлянами в Восточном Причерноморье пунктов не представлял собой в I—V вв. города. Это были только римские крепости, что уже отмечалось в специальной литературе⁷⁰, или же римские крепости с канабами.

Из всех рассмотренных пунктов городом мог стать в позднеантичную эпоху только Фазис, имевший в VI в., судя по описанию Агафия (Hist. III, 19—23), городской облик. Изменение характера Фазиса при этом должно было быть обусловлено, по-видимому, только уходом отсюда римского гарнизона и ликвидацией канабы, социально связанной с функционированием здесь римской крепости. Таким образом, в VI в. Фазис превращается, вероятно, из римской крепости в западногрузинский город.

Однако сам по себе факт оккупации рассмотренных пунктов не являлся, по-видимому, единственным препятствием для появления в Восточном Причерноморье городов. Юстиниан, например, как мы видели, сам превращает оккупированные им Петру и Себастополь в города, так что урбанизация Восточного Причерноморья в VI в., вероятно, связана была с изменением здесь методов иноземной экспансии, которую могли обуславливать теперь многие обстоятельства, например: 1) более высокий уровень экономического и общественного развития Западной Грузии; 2) изменение характера оккупационной армии, которая прежде была регулярной и римской также и по своему происхождению (или степени романизированности ее солдат), а теперь — у византийцев — превратилась в наемную варварскую; 3) уменьшение в VI в. возможностей независимого существования Западной Грузии.

В. А. Левинадзе

THE PONTIC «LIMES»

by V. A. Lekvinadze

The author discusses questions arising from an investigation of Roman *castella* on the east coast of the Black Sea. In respect to the external appearance of these *castella*, the organisation of their garrison service, and the character of the settlements which arose near some of them they differ in no way from any of the other forts included in the sys-

⁶⁸ О юстиниановских постройках в Восточном Причерноморье более подробные сведения содержатся в статье «О постройках Юстиниана в Западной Грузии», переданной нами в редакцию «Византийского временника».

⁶⁹ См., например О. Д. Лордкипанидзе, Т. К. Микеладзе, Материалы к археологии Батумского района, «Сообщ. АН Груз ССР», XXIV, № 6, 1960, стр. 764 сл.; А. М. Акидзе, О. Д. Лордкипанидзе, Материалы к археологии Диоскурии — Себастопольса, «Мацне», Тбилиси, 1965, № 3, стр. 130 русского резюме; А. М. Акидзе, Развитие археологической науки в Советской Грузии, СА, 1967, № 4, стр. 22.

⁷⁰ Г. А. Меликишивили, К истории древней Грузии, Тбилиси, 1959, стр. 376.

tem of the Roman frontier *limes*. In respect, however, to their location and to some aspects of their function the *castella* under review were related to the Roman frontier only in the most general sense. They enabled, directly and indirectly, the defence of the Roman provinces in Asia Minor to be organised, not on the very borders of the Empire, but well beyond them. These *castella* immediately guarded the land and sea (coastal) routes by which the turbulent tribes of southeastern Europe might invade Asia Minor. They also helped to keep in a state of vassal-like dependency the tribes of the eastern Black Sea coast, whose first duty to their Roman masters was to prevent their troublesome northern neighbours from passing through their territory.

While the Pontic *limes* flourished, the Romans seem also to have mastered the skill of coastal navigation along the eastern shores of the Black Sea.
